

Оглавление

ЗА ГРАНЬЮ

ЧАСТЬ I

<i>Глава 1</i>	7
<i>Глава 2</i>	17
<i>Глава 3</i>	27
<i>Глава 4</i>	40
<i>Глава 5</i>	48
<i>Глава 6</i>	55

ЧАСТЬ II

<i>Глава 1</i>	62
<i>Глава 2</i>	66
<i>Глава 3</i>	74
<i>Глава 4</i>	82
<i>Глава 5</i>	91
<i>Глава 6</i>	99
<i>Глава 7</i>	108
<i>Глава 8</i>	115
<i>Глава 9</i>	121
<i>Глава 10</i>	125
<i>Глава 11</i>	132
<i>Глава 12</i>	137
<i>Глава 13</i>	141
<i>Глава 14</i>	147
<i>Глава 15</i>	154
<i>Глава 16</i>	164
<i>Глава 17</i>	169
<i>Глава 18</i>	175
<i>Глава 19</i>	184
<i>Глава 20</i>	189
<i>Глава 21</i>	198

ЧАСТЬ III

<i>Глава 1</i>	210
<i>Глава 2</i>	218
<i>Глава 3</i>	224

<i>Глава 4</i>	228
<i>Глава 5</i>	231
<i>Глава 6</i>	234
<i>Глава 7</i>	242
<i>Глава 8</i>	246
<i>Глава 9</i>	252
<i>Глава 10</i>	264
<i>Глава 11</i>	270
<i>Глава 12</i>	278
<i>Глава 13</i>	285
<i>Глава 14</i>	289

ЧАСТЬ IV

<i>Глава 1</i>	292
<i>Глава 2</i>	299
<i>Глава 3</i>	308
<i>Глава 4</i>	313
<i>Глава 5</i>	317
<i>Глава 6</i>	326
<i>Глава 7</i>	329
<i>Глава 8</i>	336
<i>Глава 9</i>	342
<i>Глава 10</i>	350
<i>Глава 11</i>	354
<i>Глава 12</i>	362

ПОМЕСТЬЕ

ЧАСТЬ I

<i>Глава 1. Прием в Уорстед-Скейнс</i>	369
<i>Глава 2. Охота</i>	384
<i>Глава 3. Блаженный час</i>	392
<i>Глава 4. Благоприятная ситуация.</i>	397
<i>Глава 5. Танцевальный вечер миссис Пендайс</i>	404
<i>Глава 6. Влияние преподобного Хассела Бартера</i>	409
<i>Глава 7. Священный день отдохновения в Уорстед-Скейнс</i>	414
<i>Глава 8. Грегори Виджел предполагает</i>	422
<i>Глава 9. Мистер Парамор располагает</i>	430
<i>Глава 10. В ресторане «Блафардс»</i>	447

ЧАСТЬ II

<i>Глава 1.</i> Грегори возобновляет кампанию	453
<i>Глава 2.</i> Еще о влиянии преподобного Хассела Бартера	465
<i>Глава 3.</i> Ночь-предвестница	476
<i>Глава 4.</i> Голова мистера Пендайса	481
<i>Глава 5.</i> Священник и сквайр	493
<i>Глава 6.</i> Гайд-парк	502
<i>Глава 7.</i> Замешательство в Уорстед-Скейнс	509
<i>Глава 8.</i> Совет в Уорстед-Скейнс	516
<i>Глава 9.</i> Определение пендайсицита	526
<i>Глава 10.</i> Джордж пытается выйти в ноль	531
<i>Глава 11.</i> Мистер Бартер выходит на прогулку	540
<i>Глава 12.</i> Сквайр принимает решение	550

ЧАСТЬ III

<i>Глава 1.</i> Одиссея миссис Пендайс	559
<i>Глава 2.</i> Сын и мать	568
<i>Глава 3.</i> Миссис Беллью избавляется от балласта	581
<i>Глава 4.</i> Наитие миссис Пендайс	584
<i>Глава 5.</i> Мать и сын	593
<i>Глава 6.</i> Грегори смотрит в небеса	601
<i>Глава 7.</i> День со спаниелем Джоном	608
<i>Глава 8.</i> Острый приступ пендайсицита	623
<i>Глава 9.</i> Беллью склоняет голову перед истинной леди	629

За гранью

Посвящается Томасу Гарди

Che farò senza...*

* Потерял я (Эвридику) (*итал.*). Глюк К. В. Ария Орфея из оперы «Орфей и Эвридика».

ЧАСТЬ I

Глава 1

Выйдя из отдела записи актов гражданского состояния собора Святого Георгия, Чарлз Клэр Уинтон некоторое время следовал за таксомотором, увозившим его дочь и артиста, за которого она вышла замуж. Соображения приличия не позволяли Уинтону идти рядом с няней Бетти, единственной, кроме него, свидетельницей бракосочетания. Донельзя расстроенная толстуха выглядела бы нелепо рядом с худым статным джентльменом, шагавшим с естественной легкостью и равновесием улана старой закалки, пусть даже вышедшего в отставку шестнадцать лет назад.

Бедная Бетти! Уинтон думал о служанке со смесью душевной теплоты и досады. Разреваться прямо на пороге церкви — это уж слишком. Он допускал, что после отъезда Джип няня почувствует себя одинокой, но что тогда говорить о нем!.. Рука в светлой перчатке — единственная рабочая, потому что правая кисть была ампутирована до запястья, — сердито подкрутила кончики коротких седеющих усов, торчащих над уголками твердо сомкнутых губ. Несмотря на февральскую серость, на Уинтоне не было пальто. До конца выдерживая подчеркнуто неброский, почти стыдливый стиль свадебной церемонии, отец невесты надел вместо черного фрака и цилиндра синий костюм и жесткую шляпу из темного фетра. Привычка боевого офицера и охотника держать эмоции при себе не изменила ему даже в этот самый черный день его жизни. И только серые с карими крапинками глаза продолжали шуриться, бросать свирепые взгляды и снова шуриться. Временами, будто поддавшись глубокому чувству, взгляд темнел и словно уходил внутрь. Узкое лицо, обветренное, со впалыми щеками, четко вырезанная челюсть, маленькие уши, еще темные по сравнению с усами волосы, только на висках тронутые сединой, рисовали портрет человека действия, привыкшего по-

лагаться на собственные силы и смекалку. Манера держаться была характерна для мужчины, не чуждого шегольства, уделяющего внимание «фасону», но не забывающего, что на свете есть вещи и поважнее. Уинтон точно соответствовал своему типу, однако примешивалось к нему и нечто не совсем для него характерное. В прошлом таких людей нередко бывает скрыта какая-нибудь драма.

Пожилой джентльмен направился к парку и повернул на Маунт-стрит. Хотя дом стоял на прежнем месте, облик улицы сильно изменился. Двадцать три года назад ноябрьским вечером Уинтон ходил мимо этого дома туда-сюда в невыразимом исступлении ума, как призрак в тумане, как выброшенный за порог пес, — в тот день родилась Джип. А кончилось все тем, что в прихожей — войти в дом он не имел права — ему сказали: та, кого он любил, как ни один мужчина не любил женщину, мертва: умерла, рожая ребенка, их общего ребенка, о чем знали только он и она. Уинтон несколько часов расхаживал в тумане, ожидая родов, и вдруг такое известие! Среди всех напастей, подстерегающих человека, слишком большая любовь, несомненно, самая ужасная.

Как странно, что дорога домой после еще одной потери пролегла мимо того самого дома. Одна проклятая случайность, подагра, вынудила его поехать в Висбаден в сентябре прошлого года. Другая проклятая случайность свела Джип с этим субчиком Фьоренсеном и его треклятой скрипкой. Джип переехала в его дом пятнадцать лет назад, и с тех пор Уинтон ни разу не чувствовал себя таким одиноким и ни на что не годным, как сейчас. Завтра он отправится в Милденхем и попытается развеять хандру верховой ездой. Но уже без Джип. Джип не с ним! Она с жалким скрипачом! С увальнем, ни разу в жизни не сидевшем в седле!.. Уинтон яростно рассек тростью с загнутой ручкой воздух, надвое разрубая воображаемого врага.

Родной клуб рядом с Гайд-парком выглядел на редкость уныло. Повинуясь привычке, Уинтон прошел в картежный зал. День был настолько тускл, что в зале зажгли лампы, за столами черного дерева под аба-

журами сидели завсегдатаи, свет играл на спинках кресел, картах, бокалах, позолоченных кофейных чашках и отполированных ногтях пальцев с сигарами. Приятель предложил партию в пикет. Уинтон равнодушно сел за стол. Бридж, этот колченогий вист, всегда оскорблял его изысканный вкус. Игра-калека! От покера попахивало вульгарностью. Пикет хоть и вышел из моды, оставался в его глазах единственной игрой, сохранявшей остатки достоинства.

Ему пришла хорошая карта, и он облегчил соперника на пять фунтов, которые охотно уплатил бы сам, лишь бы стряхнуть с себя тоску. Где они сейчас? Должно быть, миновали Ньюбери, и Джип сидит напротив шведского субчика с зелеными глазами бродячего кота. Иноземный прохиндей! Пустышка, если Уинтона не обманывает знание людей и лошадей. Слава богу, он вовремя вложил деньги Джип, все до последнего фартинга. При мысли, как этот тип обнимает его пышноволосую кареглазую дочь — прелестное, гибкое, как ива, создание, так сильно напоминавшее лицом и станом ту, кого он отчаянно любил, — его охватило чувство, близкое к ревности.

Посетители проводили Уинтона взглядом до дверей картежного зала. Он был одним из тех, кто внушал другим мужчинам чувство восхищения, хотя никто не мог бы сказать, чем именно. Многие, слывшие не менее достойными, не привлекали к себе такого внимания. Что это было? Наличие некоего «стиля» или нечто неосязаемое вроде отметины, оставленной прошлым?

Выйдя из клуба, Уинтон медленно проследовал вдоль низкой ограды Пикадилли к дому на Бери-стрит в районе Сент-Джеймс, где проживал с ранних лет. Дом был одним из немногих, не затронутых всеобщей манией ломать и строить, загубившей, на его взгляд, половину Лондона.

Дверь открыл величайший в мире молчун с мягкими быстрыми черными глазками вальдшнепа в длинной зеленоватой вязаной безрукавке, черной визитке и тесных брюках со штрипками по верх ботинок.

— До утра я буду дома, Марки. Пусть миссис Марки что-нибудь приготовит на ужин. Неважно что.

Марки дал понять, что услышал распоряжение, черные глазки под сросшимися в одну темную линию бровями быстро смерили хозяина с макушки до пят. Еще вчера жена сказала, что шефу придется несладко одному, и Марки согласно кивнул в ответ. Возвращаясь в людскую, слуга дернул головой в направлении улицы и махнул рукой на верхний этаж, из чего смышленная миссис Марки сразу сделала вывод, что надо бежать за провизией, потому что хозяин изволит ужинать дома. Проводив жену, Марки уселся напротив Бетти, старой няни Джип. Пышнотелая женщина все еще тихо плакала. Вид Бетти испортил настроение, и Марки захотелось самому завывать по-собачьи. Некоторое время он молчаливо смотрел на ее широкое розовое заплаканное лицо и, наконец, тряхнул головой. Икнув и колыхнувшись всем дебелим телом, Бетти подавила рыдания. Марки лучше не перечить.

Уинтон сначала зашел в спальню дочери, окинул взглядом опустевшее элегантное гнездышко с осиротевшим серебряным зеркалом и яростно крутнул маленький ус. Затем, в своей святая святых, не зажигая свет, присел у огня. Любой сторонний наблюдатель решил бы, что он спит, но на самом деле наводящее дремоту глубокое кресло и уютный огонь в камине унесли его далеко-далеко в прошлое. Какая досада, что сегодня пришлось пройти мимо *ее* дома!

Некоторые утверждают, что никакого родства душ не существует, что одно-единственное страстное увлечение не способно разбить сердце — по крайней мере, мужское. В теории, возможно, все это правда, но в действительности такие мужчины существуют — мужчины из разряда «или пан, или пропал», неразговорчивые и сдержанные, меньше всех ожидающие, что природа сыграет с ними злую шутку, меньше всех желающие сдаваться на ее милость, меньше всех готовые к зову судьбы. Кто бы мог подумать, включая его самого,

10 что Чарлз Клэр Уинтон по уши влюбится, как только войдет в бальный зал Бельвуарского охотничьего об-

щества в Грантеме в тот декабрьский вечер двадцать четыре года назад? Заядлый вояка, щеголь, превосходный охотник и знаток гончих, приобретший почти легендарный статус в полку своей невозмутимостью и вежливым пренебрежением к женщинам как мелочам жизни, стоял в дверях, не горя желанием танцевать, и оглядывал зал с видом, не предполагавшим в нем партнера, потому как и не старался произвести такое впечатление. И тут — о чудо! — мимо прошла она, и мир навсегда изменился. Что это было? Игра света, приоткрывшая весь ее характер в одном пугливом взгляде? Или же легкое плутовство ее походки, соблазнительная гармония ее фигуры? А может, то, как ниспадали на шею волнистые волосы, или тонкий, почти цветочный аромат ее кожи? Что именно? Она была замужем за местным помещиком, имевшим собственный дом в Лондоне. Как ее звали? Какая разница — она давно умерла. У нее не было никаких оправданий: муж ее не обижал, обычный, скучный брак без детей, длившийся три года. Муж — приветливый добряк, старше ее на пятнадцать лет, с некрепким уже здоровьем. Никаких не было оправданий! И все-таки всего через месяц после первой встречи она и Уинтон стали любовниками не только в мыслях, но и на деле. Случай, настолько выходящий за рамки всех приличий и его собственных представлений о чести офицера и джентльмена, что он даже не пытался взвешивать доводы за и против — «против» составляли подавляющее большинство. И все-таки с первого же вечера он принадлежал ей, а она — ему. Ибо каждый теперь думал только обо одном: как сделать, чтобы быть вместе? Если на то пошло, то почему они куда-нибудь не уехали? Нельзя сказать, что он мало ее уговаривал. И если бы она пережила рождение Джип, то, скорее всего, так бы и случилось. Однако перспектива поломать жизнь сразу двум мужчинам была слишком тяжким бременем для столь мягкого сердца. Смерть избавила ее от мучительного выбора. Есть женщины, в ком беззаветная преданность уживается с душевными сомнениями. Такие обычно наиболее притягательны, потому что способность принимать решения

